

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	Что такое стыд	7
Глава 2	Власть стыда.....	35
Глава 3	Пределы вины	53
Глава 4	Паршивые овцы	73
Глава 5	Как нормы становятся общепринятыми...	93
Глава 6	Семь навыков высокоэффективного воздействия стыдом.....	117
Глава 7	Стыд и Интернет	141
Глава 8	Стыд и экономика внимания	161
Глава 9	Реакция на стыд	177
Глава 10	Лучшие мишени для стыда.....	201
	<i>Приложение. Позорный тотемный столб, версия 2.1</i>	<i>217</i>
	<i>Благодарности</i>	<i>221</i>
	<i>Примечания</i>	<i>225</i>
	<i>Об авторе</i>	<i>243</i>
	<i>Об иллюстраторе.....</i>	<i>243</i>

Стыд — вот чувство, которое спасет человечество.

*А. Тарковский,
реж. «Солярис» (1972)*

Стыд — удел слабаков.

*Барон Эдвард фон Клоберг,
американский лоббист*

ГЛАВА 1

Что такое стыд

Совесьть — это проклятие богов, которое человек должен принять, чтобы получить от них право мечтать.

*Уильям Фолкнер,
интервью The Paris Review (1958)*

В 1987 году в здание Института «Остров Земля» в Сан-Франциско вошел 30-летний Сэм Лабудде. Он мечтал бороться с вырубкой тропических лесов и получил назначение в Мехико, где ему предстояло стать экологом-наблюдателем. В холле института Лабудде прочел статью о том, как при ловле тунца рыбаки уничтожают миллионы дельфинов. В этом промысле используются огромные сети-ловушки, окружающие целые косяки тунца, а заодно и любую другую живность, оказавшуюся поблизости. Попав в такую сеть, дельфины тонут или гибнут от полученных увечий. Текст статьи производил оглушающее впечатление, но статье не хватало иллюстраций. И вот вместо спасения тропических лесов Лабудде убедил руководство «Острова Земля» выделить ему видеокамеру (дело было в 1980-х, и эти устройства еще не были распространены повсеместно).

Он задумал наняться на траулер, чтобы заснять истребление дельфинов.

Лабудде удалось устроиться сначала матросом, а затем коком на панамское рыбацье судно, занимавшееся промыслом у берегов Энсенады в Мексике. С огромным риском он отснял несколько видеокассет, где показаны мертвые и умирающие в рыболовных снастях дельфины. На основе его съемок «Остров Земля» начал информационную кампанию на национальном и местном телевидении США. В газетах и журналах появились публикации на эту тему, в том числе цикл из трех статей Кеннета Брауэра в *The Atlantic Monthly*. Кампания была направлена на то, чтобы пристыдить виновников и выставить их на обозрение американской общественности. Мишенью стала индустрия добычи тунца, в частности три крупнейшие компании: StarKist, Bumble Bee и Chicken of the Sea.

Примерно в то же время я упросила маму купить мне книгу «50 простых вещей, которые может сделать ребенок ради спасения Земли» (50 Simple Things Kids Can Do to Save the Earth). Следуя совету из этой книги, изданной в 1990 году, я написала запрос в Институт «Остров Земля». Через несколько недель я вынула из почтового ящика нашего дома в глуши Огайо конверт, пришедший из Сан-Франциско, от тех самых людей, с которыми сотрудничал Лабудде. В конверте были в том числе его черно-белые фотографии искалеченных и мертвых дельфинов на палубе промыслового судна. Забыть такое невозможно. Материалы кампании, развернутой «Островом Земля», были призваны заклеить позором рыболовецкую индустрию, а в результате вызвали чувство вины у меня. Что бы там ни думали другие, моя совесть твердила: то, что происходит с дельфинами, — это неправильно (не говоря уже о тунце). Вина — особое чувство, его ини-

циатор и адресат — наше собственное «я», и вызываемый ею внутренний дискомфорт заставляет что-то менять в себе. Вглядываясь в те фотографии, я впервые испытала сострадание к живым существам, которых даже не видела воочию — знала лишь по картинкам в журналах о природе. Это был первый, но не последний раз, когда я почувствовала себя виноватой в том, что ем.

Бездействовать я не могла. Мне было девять, но я уже усвоила новые ритуалы 1980-х, облегчающие муки совести потребителя. Я убедила нашу семью перестать покупать консервированного тунца, и не я одна. Фотографии истерзанных дельфинов потрясли и тронули множество людей по всему миру и породили массовый бойкот этой продукции со стороны самых обычных покупателей. В результате крупнейшим компаниям, занятым ловлей тунца, пришлось изменить технологию лова. В своем тогдашнем интервью Энтони О'Райли, бывший гендиректор Heinz (корпорации-владельца StarKist), сказал: «Я полагаю, плох тот гендиректор, которому нет дела до мнения своих потребителей. Повальная любовь детей к дельфину Флипперу и чудовищные сцены из съемок Лабудде породили волну критики — прекрасно организованной критики, — и, думаю, это подкрепило растущую убежденность школьников в том, что с прежними методами рыбной ловли мириться нельзя».

Упомянутые школьники и их родители — эта категория потребителей избавилась от мук совести с появлением экомаркировки «Произведено без ущерба для дельфинов». Мы все вздохнули с облегчением и снова стали есть консервированного тунца. Больше 10 лет я и не вспоминала об этой проблеме и не задумывалась о том, что же это такое — экомаркировка. Задуматься меня заставило понимание того факта, что нас провели.

Логотип «Без ущерба для дельфинов», появившийся в 1990 году, был лишь одним из новоявленных рыночных инструментов спасения мира. В том же году правительство США приняло закон об органической пище (хотя первый сертификат экологически чистой продукции был выдан в калифорнийском Санта-Крузе еще в 1973 году). Международный совет по экологически рациональному использованию лесных ресурсов был создан в 1993 году, после многолетних споров о том, какие методы ведения лесного хозяйства могут считаться экологически жизнеспособными. В 1997 году начал свою деятельность Морской попечительский совет — ведущая организация, занимающаяся сертификацией экологически устойчивого рыболовства, а также была создана международная организация этичной торговли Fairtrade International. В дальнейшем появлялись все новые и новые программы и маркировки.

До начала всеобщей погони за экологическими сертификатами публичная огласка и бойкотирование были направлены на фундаментальную перестройку бизнес-деятельности компаний или целых отраслей. Такие активисты, как Цезарь Чавес, инициировавший в 1960-х забастовки сельхозрабочих и потребительский бойкот столового винограда, не удовольствовался бы появлением на упаковке с виноградной гроздью наклейки «Собрано работниками ферм, получившими за свой труд установленную минимальную зарплату». Целью тех акций было не успокоение совести малой части потребителей, а (наряду с прочим) изменение федерального законодательства в части минимального размера оплаты и безопасности труда сельскохозяйственных рабочих. Вскрытие фактов антисанитарии на производствах фасованного мяса в начале XX века также не ставило своей целью

разработку этикетки, которая убедила бы равнодушных покупателей, что приобретаемая ими продукция произведена в соответствии с требованиями гигиены. Целью было повсеместное повышение санитарных норм.

Однако к 1980-м идею непосредственного воздействия на поставщика вытеснила идея изменения спроса. На первый взгляд это разумный подход, особенно в условиях экономики свободной конкуренции: с изменением спроса должно измениться и предложение. Ведь это два уравнивающих друг друга полюса, как мне неоднократно напоминали в течение тех шести лет, что я изучала экономику. Согласно новому плану социальной вовлеченности — поддержанному даже борцами за сохранение окружающей среды, поскольку политический климат начала эпохи Рейгана отличался враждебностью к регулированию, — самым убедительным аргументом в споре с производителем считался кошелек. Эта стратегия оставляла за потребителями пресловутую «свободу выбора» (девиз экономистов-либертарианцев и гуру свободного рынка Милтона Фридмана), а стыдливым потребителям достаточно было сменить покупательские привычки, чтобы избавиться от внутреннего дискомфорта.

Итак, акцент сместился с предложения на спрос, и пристыживание корпораций — как инструмент решения социальных и экологических проблем — ушло в тень, заслоненное пристыживанием потребителей. Росла популярность сертификации, из чего следовало, что отныне ответственность лежит не столько на политическом обществе, сколько лично на покупателе. Попутно идея сертификации распрощалась со стыдом и положила в основу социальной вовлеченности чувство вины. Вину

можно использовать для мотивации индивидов, и только индивидов — способами, не применимыми по отношению к целым отраслям или к поставщикам. Ведь корпорации — скажем, индустрия ловли тунца — не имеют совести, а значит, не способны чувствовать вину. Целью стало не реформирование той или иной отрасли целиком, а облегчение мук совести определенного сегмента потребителей.

Однако такие проблемы, как использование пестицидов, эксплуатация труда и придонный траловый лов, невозможно решить посредством индивидуального выбора. Даже если лично я ем фрукты и овощи, выращенные без применения пестицидов, пока все вокруг употребляют продукты с пестицидами, эти яды просачиваются в источники воды, которыми пользуемся мы все. Пусть я покупаю исключительно тунца, выловленного без сопутствующего истребления дельфинов, дельфины все равно в опасности, пока окружающие продолжают потреблять рыбу, добытую варварскими методами. Я могу отказаться от авиаперелетов, но, если остальные продолжают летать, выбросы углекислого газа в атмосферу по-прежнему будут расти угрожающими темпами.

Существуют проблемы, требующие коллективных действий, и разрешить их путем изменения восприятия и поведения отдельных людей едва ли возможно. Решение подобных проблем, как правило, сопряжено с масштабными, зачастую структурными, изменениями. Пусть отдельные люди, осознавая вред веществ, разрушающих озоновый слой, и чувствуя из-за этого вину, перестанут покупать соответствующие товары, — этого недостаточно, ведь таких людей меньшинство. Чтобы решить проблему озоновой дыры, необходимо прекра-

тить производство таких товаров — по большей части или полностью.

Сколько стоит на повестке дня проблем, требующих коллективных действий, в особенности в сферах труда и охраны окружающей среды! А нас продолжают привлекать к их решению, апеллируя к личному чувству вины. Привлекать как потребителей, а не как граждан или общественных активистов. И даже не в качестве организованных групп потребителей, способных на масштабные бойкоты, а каждого в отдельности — обывателя, принимающего индивидуальные покупательские решения. Механизмы воздействия на чувство вины ограничены, хотя и могут приносить прибыль тем поставщикам товаров и услуг, которые извлекают выгоду, облегчая нам муки совести. При этом, когда вопрос достигает значимости нравственного императива, решения на уровне индивидуального выбора не достаточно. Так, противникам рабства мало было самим отказаться от владения рабами — они понимали, что необходимо всех и везде лишить возможности иметь рабов.

Наивность — моя и многих других людей — помешала нам эффективно использовать чувство вины. Когда мы, школьники, противились истреблению дельфинов, нами двигало не только стремление успокоить свою совесть — мы хотели спасти этих животных. Но логотип «Ни один дельфин не пострадал» — это еще не гарантия их спасения. (Наверняка и логотип сыграл свою роль, но скорее как толчок к изменению законодательства, а не в качестве самостоятельного рыночного механизма, и уж точно он не являлся панацеей сам по себе.) Какая-то часть пищевой промышленности перестроилась, и на этом мы успокоились. А надо было сосре-

доточиться на категорическом неприятии того факта, что в остальном эта сфера бизнеса не изменилась. Если бы мы не позволили усыпить свою совесть всеми этими логотипами, сертификатами и отдельными случаями прозрения ретейлеров, то не успокоились бы на этом. И продолжали бы давить на товаропроизводителей в связи с истреблением дельфинов и множеством других проблем, причем выступая не просто как потребители, а действуя подобно Сэму Лабудде. Мы бы стыдили их.

Эта книга представляет собой исследование стыда, его истоков и его будущего. Ее задача — рассмотреть, как стыд, когда нарушитель подвергается общественному неодобрению, может быть модифицирован, чтобы служить нам по-новому. Мы изучим социальную природу стыда и вины, определим их место в системе наказаний и поймем, как они работают. Мы также попробуем разобраться, как случилось, что на стыд была возложена не свойственная ему задача — почему его пытаются превратить в лекарство от таких серьезных, требующих полномасштабных совместных усилий проблем, как бесконтрольный лов рыбы и изменение климата. Мы убедимся в неразрывной связи стыда с социальными нормами — притом что эти нормы часто меняются. Мы познакомимся с примерами, когда стыд оказывается действенной вины, и с условиями, в которых особенно отчетливо проявляются и ценность стыда, и его смысл. Наконец, мы узнаем, как повысить эффективность и полезность стыда как меры общественного воздействия в современном мире, в котором мы как никогда прежде взаимосвязаны и в то же время отчуждены друг от друга.

Что мы понимаем под словом «стыд»

Пристыдить — фактически означает выставить на всеобщее обозрение, в этом состоит сама суть стыда как воспитательной меры, а переживания человека, поступок которого предан огласке, — одна из важнейших эмоциональных составляющих стыда. Этим и обусловлена связь стыда с репутацией¹. И чтобы он сыграл ту роль, что мы ему отводим, необходима аудитория, хотя бы воображаемая. Стыд можно переживать и в одиночку, в глубине души, но наша книга о другом стыде. Мы будем говорить не о той неловкости и внутреннем дискомфорте, которые испытываешь (и еще как!), когда отец семейства приобретает для гостиной надувной диван, а о стыде, который охватит домашних, если эту покупку увидят знакомые. Предметом рассмотрения этой книги является стыд, вызванный тем, что «прегрешение» оказывается у всех на виду. Более того, меня интересовал не столько стыд как личное переживание, сколько ситуация, когда позору подвергают публично.

Стыд порождает стресс и чувство социальной изоляции. Стыд может ранить так сильно, что отзывается реальной, физической болью в сердце². Но он может и заставить нарушителя исправиться. Половина из 915 взрослых американцев, участвовавших в исследовании 2009 года, вспомнили по крайней мере один визит к врачу, во время которого прониклись чувством стыда — главным образом, из-за курения или лишнего веса. Почти половина из этого числа впрямь уклонялись от посещения врача или лгали во время приема, чтобы избежать стыда. Однако остальные были признательны врачу, а примерно треть, по их словам, даже стали избавляться от вредных привычек³.

Иным людям не стыдно даже за самые отвратительные преступления. (В 2011 году в Огайо был казнен Ред-

жинальд Брукс, который 29 годами ранее убил троих своих спящих сыновей. Перед исполнением приговора он средними пальцами обеих прикрученных к каталке рук показал «Да пошла ты!..» бывшей жене, матери своих жертв, наблюдавшей за казнью через стеклянную стену.) Встречается и другая крайность, когда невыносимый груз стыда, даже по незначительным поводам, буквально калечит человека. (Писатель Джонатан Франзен считал, что именно стыд, который он испытывал из-за своего первого брака, сексуальной неопытности и незрелости личности, стал причиной 10-летнего творческого застоя. Он признавался, что после каждой мало-мальски автобиографической фразы ему «хотелось принять душ».)⁴ В наиболее действенных своих проявлениях стыд нормализует поведение человека и снижает риск более сурового наказания, напоминая: или ты ведешь себя как должно, или придется расплачиваться. Угроза позора часто порождает страх того, что тебе будет стыдно.

Чем стыд отличается от вины

В отличие от стыда, побуждающего соответствовать общественным нормам, чувство вины удерживает человека в рамках его собственных, индивидуальных норм. В культурах, основанных на индивидуализме, вина превалирует над стыдом, ведь именно способность испытывать стыд заставляет считаться с тем, что думают о тебе другие. Вину именуют краеугольным камнем совести. Ей достаточно единственного оружия — неумолчного внутреннего голоса, который изводит нас, без конца напоминая, как ужасно себя чувствуешь, совершив насилие, кражу или неблагоприятный поступок.

Антропологи Рут Бенедикт и Маргарет Мид первыми проследили различие между культурами вины и сты-

да и заявили, что большинство западных стран исповедуют культуру вины, тогда как в государствах Востока главенствует стыд. В 1946 году вышла книга Бенедикт «Хризантема и меч»* — исследование культуры Японии, в которой автор лично не бывала (помешала война). Бенедикт доказывала, что для японцев стыд является главным инструментом общественного контроля. Позднее к категории стран, где развита культура стыда, был отнесен и Китай, в частности в силу огромного значения максимы «не потерять лицо».

Мы же, люди Запада, убежденно объявляем себя свободными от обременительных рамок стыда. Это утверждение можно хотя бы отчасти считать справедливым, и одна из причин тому — наше восприятие себя. Западная цивилизация индивидуалистична, люди в ней видят себя независимыми и автономными и руководствуются в своих действиях внутренним нравственным компасом, в отличие от восточных людей, воспринимающих себя скорее через призму отношений с другими. В большинстве западных культур отсутствует и жесткая иерархия, по всей видимости характерная для человека в доисторический период и в значительной мере сохраняющаяся в ряде культур Востока, на что указывали такие антропологи, как Бенедикт и Дэн Фесслер. (Не приходится также удивляться тому, что на Западе стыд часто считается уделом бедных, признаком низкого уровня социальной иерархии.) Кроме того, западный взгляд на мир отличается толерантностью — допустимым считается очень широкий спектр поведенческих схем, что мешает договориться, какое поведение следует считать постыдным. Многие западные страны еще и упразднили позорные наказания,

* Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. — М.: Наука, 2007.

в первую очередь те, что были узаконены государством. Очевидно, любой предпочтет жить без страха примерить дурацкий колпак, отведать плетей или быть клейменным раскаленным железом. Возникает соблазн считать стыд таким же атавизмом, как зубы мудрости или пуританство — пережиток трудных времен, более человечеству не нужный.

Однако, как напоминает нам писатель Салман Рушди: «Стыд, мой дорогой читатель, не исключительная принадлежность Востока». Во время визита в США после череды скандалов из-за преступлений сексуального характера в лоне католической церкви папа Бенедикт XVI признался, что испытывает «глубочайший стыд». Провернувший крупнейшую в истории Уолл-стрит аферу Бернард Мейдофф, выступая перед судом, который позднее приговорил его к 150-летнему тюремному заключению, сказал, что «глубоко сожалеет и сгорает от стыда». Рэппер Канье Уэст также сообщал, что «стыдится» своей выходки на церемонии MTV Video Music Awards, когда он отобрал микрофон у Тейлор Свифт, победительницы в номинации «Лучшее женское видео», и объявил, что Бейонсе (выпустившая в том году хит «Single Ladies») записала одно из лучших видео всех времен и народов. Чувствовали ли вину эти культовые фигуры Запада? Трудно сказать. Испытывали стыд? Тоже нельзя судить наверняка, не зная степени их стрессового состояния. Ясно одно: по крайней мере они хотели, чтобы мы так о них думали.

Когда стыд и вина превращаются в наказание

Чувство стыда — его следует отличать от чувства, когда тебя мучает совесть, — является наказанием и как любое наказание используется в качестве средства принужде-

ния к соблюдению общественных норм. Человечество знает наказания, предполагающие лишение преступника жизни, свободы, физической неприкосновенности, ресурсов или репутации (либо те или иные их сочетания), и, когда человека стыдят, мишенью становится именно репутация. Лишение провинившегося чего бы то ни было может носить активный характер — таковы, например, лишение жизни через смертную казнь, тюремное заключение, пытки, штрафные санкции или пикетирование — либо принимать пассивную форму отторжения, поражения в правах, как в случае ostracism или бойкота. (В ходе исследования, проведенного в США, две трети из 2000 респондентов признались, что бойкотировали кого-то из ближнего окружения, а треть сами становились жертвами бойкота.)

Человечество с большой изобретательностью выдумывает наказания, не предполагающие прямого насилия. К примеру, Чарльз Диккенс описывал южноамериканские племена, где «длинные волосы столь высоко ценились как признак красоты, что лишение их считалось ужаснейшей карой». К этой категории относится и одиночное заключение, которое в Америке может длиться несколько десятилетий. Когда мы с братом затевали драку, мама наказывала нас, и пальцем не тронув: просто заставляла 20 минут сидеть в обнимку на лестнице. Наказание стыдом может носить как насильственный, так и — ныне преобладающий — ненасильственный характер. Напомню, что наказать стыдом в нашем понимании означает выставить на позор — на всеобщее обозрение — или угрожать этим виновной стороне. Это можно проделать и без нанесения физического ущерба, из чего вовсе не следует, что такое наказание не причиняет страданий.

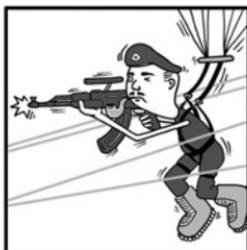
СХЕМА НАКАЗАНИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

влечет за собой

КАКОЕ ОНО?

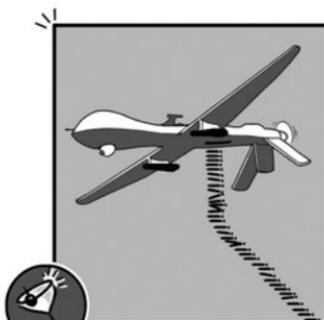
активное

пассивное

БУДЕТ ЛИ ОНО:

незатратным

дорогостоящим

налагаемое

|| ЛЮБОЕ НАКАЗАНИЕ ||

ЭТО

|| ЛИШЕНИЕ ||

АДЕКВАТНО ЛИ НАКАЗАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЮ?

физической неприкосновенности

ЖИЗНИ

свободы

репутации

ресурсов

Наказание может налагаться человеком или группой людей, ставших жертвами нарушителя, либо третьей стороной или даже самим провинившимся (средством самонаказания становится вина). Как правило, наложение наказания сопряжено с издержками для карающей стороны, поскольку требует затрат энергии, да и определенный риск ответных мер исключить нельзя. Чем более опасным или рискованным является наказание, тем больших издержек оно требует. Уже в глубоком прошлом люди осознали, что в очень многих случаях вместо физического, зачастую насильственного, отторжения от социальной группы достаточно подвергнуть виновного общественному порицанию. Стыд как мера социальной защиты позволяет наказать его без лишних трат, одним только разрушительным влиянием публичного позора на репутацию: например, если члены группы решат отказаться от дальнейшего сотрудничества с наказуемым. Наказание стыдом и остракизм тесно связаны, но пристыдить «дешевле», чем подвергнуть остракизму. И в отличие от информационной открытости, прозрачности, которая выводит на чистую воду всех, воздействие стыдом оказывает влияние лишь на какую-то часть людей.

Когда и как возникло наказание стыдом? Первые гоминиды, как многие другие социальные животные, были способны контролировать взаимодействие и разногласия между членами группы лишь путем непосредственного наблюдения. По мере того как группы разрастались, а древние люди осваивали кооперацию, совершенствовалась способность человеческого мозга следить за тем, чтобы каждый человек соблюдал все правила. Согласно гипотезе взаимной чистки, выдвинутой антропологом Робинот Данбаром, мы научились раз-

говаривать вследствие необходимости поддерживать социальные связи, которых становилось все больше, и приглядывать друг за другом. Благодаря языку нашим предкам уже не приходилось непосредственно наблюдать за поведением каждой особи, чтобы узнать, как она себя ведет. Умение говорить позволило людям манипулировать социальным статусом друг друга с помощью слухов, что послужило толчком к дальнейшему развитию системы репутации и стыда. (Вероятно, это не уникальное отличие человеческого вида. По мнению некоторых ученых, воробьиные попугайчики, например, опознают каждого члена стаи по крику и могут добавлять к нему сигнал, выражающий одобрение или неодобрение⁵.) Из этого также следует, что группа, обеспокоенная поведением недобросовестного члена, становилась все больше, ведь теперь антисоциальное поведение не обязательно было наблюдать воочию, достаточно было услышать о нем из чужих уст. Правонарушителя стало возможно опозорить перед другими даже в его отсутствие.

Слухи и неодобрительные отзывы как разновидность наказания стыдом можно считать одним из первых рубежей защиты социума от нарушения общественных норм, и на заре истории человечества они играли столь же важную роль, что и сейчас. По данным антропологов, общение людей на две трети состоит из обсуждения других. Полли Вайсснер пришла к такому выводу по результатам исследования бушменского племени кунг из Ботсваны⁶, а Робин Данбар с коллегами вывели ту же самую пропорцию из наблюдения за посетителями кафетерия британского университета⁷. Вайсснер отнесла к категории хвалебных отзывов лишь 10% услышанных ею в разговорах фраз, а остальные 90% содержа-

ли критику, в значительной части в форме вышучивания, сарказма или изображения с помощью пантомимы. Нарушитель или кто-то из его близких родственников (но почти всегда он сам) нередко находился в пределах слышимости, а значит, критика высказывалась в расчете на то, что стыд заставит его одуматься. При обсуждении в негативном ключе часто предполагается, что отзыв дойдет до нарушителя прямо или опосредованно, когда он поймет, что окружающие не хотят иметь с ним дело.

Устная речь стала лишь первым средством распространения слухов. На следующий уровень коммуникация вышла с возникновением письменности. С момента ее появления коммуникационные технологии обогатились, как указывает исследователь Интернета Клэй Ширки, следующими пятью эпохальными достижениями: печатный станок, телеграф и телефон, звукозаписывающая аппаратура, широковещательные СМИ и цифровые технологии, в том числе Интернет. Вместе со средствами коммуникации всякий раз обновлялось и наказание стыдом. Если все начиналось с пересудов между людьми, физически находившимися в одном месте, то теперь обсуждения имеют всемирный охват, разлетаясь по печатным и цифровым СМИ, телефонным сетям, телеэфиру и виртуальному пространству.

С появлением цифровых технологий распространение слухов и обеспечение охвата резко подешевели, а масштаб и скорость передачи возросли. (Незачем обзванивать всех знакомых — один твит, и тысячи людей проинформированы.) Есть даже мнение, что совокупное воздействие цифровых технологий способно перестроить культуру в той же мере, что и появление речи. Неудивительно, что слухи приобрели небывалую публичность, тем более что это оружие уже не является преро-

гативой лидеров общественного мнения и государства, а все более переходит в руки рядовых граждан. А значит, всем нам нужно осознать, какие громадные возможности имеет стыд как средство наказания и какую ответственность это налагает.

Вспомните, какой вал критики обрушился через социальные сети на Susan G. Komen for the Cure! В 2012 году эта организация, повсеместно известная своим символом — розовой ленточкой — и неутомимой борьбой против рака груди, объявила об отказе выделить \$650 000 фонду планирования семьи Planned Parenthood на программы выявления этого заболевания и распространения информации о нем. (Planned Parenthood имеет право проводить аборт, и, по мнению многих, отказ Копен от финансирования носил характер политического заявления.) В течение трех последующих дней проект «За качество в журналистике» (Pew Project for Excellence in Journalism) отследил в «Твиттере» 253 465 откликов на это решение: 17% положительных, 19% нейтральных и 64% осуждающих. Через три дня после объявления Копен об отзыве финансирования в *New York Times* и *Washington Post* вышли статьи на эту тему, и количество твитов подскочило до 215 383 за день (по пять сообщений каждые две секунды), причем большинство из них также были негативными. К концу того же дня фонд пересмотрел свое решение. В течение двух последующих дней 64% твитов на тему Копен по-прежнему были неодобрительными, но количество сообщений снизилось на 85%. Даже онлайн-обсуждения по преимуществу носят критический характер и являются мягким способом пристыдить отступников, чтобы таким образом удерживать людей в рамках, приемлемых для данной группы (независимо от того, что это за группа).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)